

Трунов Ф.О.<sup>1</sup>

## Переизбрание Д. Трампа (2024) и отношения США – ФРГ в сфере безопасности и обороны

***Аннотация.** Во время своего первого президентского срока (2017–2021) Д. Трамп стремился оказывать давление на ФРГ, выражая недовольство качеством и размерами германской поддержки американской политики. В статье анализируются перспективы двусторонних отношений США – ФРГ после переизбрания Д. Трампа в ноябре 2024 г., отмечается стремление Д. Трампа проактивно (а не реактивно, как раньше) противодействовать системному истеблишменту в США, указывается, что в ФРГ заметно ослабла электоральная поддержка крупнейших эстаблированных партий.*

*Особое внимание уделяется рассмотрению того, насколько ФРГ продвинулась навстречу требованиям Д. Трампа в военно-политической сфере в первой половине 2020-х годов. Этот процесс был обусловлен, в первую очередь, долгосрочным курсом Берлина на перестройку системы своего глобального присутствия в контексте «сдерживания» оппонентов Запада. Запросы Д. Трампа, касавшиеся увеличения и использования мощи ФРГ, были в значительной степени удовлетворены в течение президентского срока Дж. Байдена, администрация которого стремилась побуждать партнеров к желательным шагам при помощи мягко-выверенных форм воздействия. В статье исследуются такие индикаторы как увеличение военных расходов ФРГ, рост*

---

<sup>1</sup> Трунов Филипп Олегович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, ИНИОН РАН (lrunov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7092-4864.

вовлеченности ФРГ в комплектование группировок НАТО, превращение Германии в одного из основных военных доноров для Украины. Автор предполагает, что сохранение этих тенденций при демонстрируемой осторожности ФРГ в деле предоставления Киеву ракетных вооружений найдет понимание у новой американской администрации. В то же время Белый дом будет заинтересован в заметном ужесточении подхода ФРГ к «сдерживанию» Ирана и Китая. Автор приходит к выводу, что во второй половине 2020-х годов диалог США – ФРГ будет проходить в форме «прохладного» взаимодействия с элементами сотрудничества.

**Ключевые слова:** США, Германия, Трамп, системный истеблишмент, НАТО, группировки, военные расходы, «сдерживание», Россия, Китай.

Во время своего первого президентского срока (2017–2021) Д. Трамп активно критиковал ФРГ, оказывая постоянное давление на германский истеблишмент; двусторонний диалог развивался по нисходящей. Каковы же перспективы отношений США – ФРГ после уверенной победы Д. Трампа на выборах 5 ноября 2024 г.? Истеблишмент ФРГ использовал время между legislatures Д. Трампа для осмысления причин и особенностей недружественной линии 45-го президента США и провел большую подготовительную работу на случай его возвращения в Белый дом.

*Задача* статьи – раскрыть возможные схемы взаимоотношений ФРГ и США в политической и военной областях во время второй каденции Д. Трампа. Учитывая, какую важную роль играет «фактор США» во внешнеполитическом планировании и внешнеполитической практике Германии, в данном случае уместно использовать методы исследования, характерные для структурного реализма (неореализма). Согласно одному из его постулатов, внешняя политика государства может осуществляться более успешно, если находится в диапазоне ожиданий других акторов [Waltz, 1979, p. 89–93] и особенно – наиболее значимых акторов для данной страны. Поэтому в настоящей статье особое внимание уделяется приготовлению официального Берлина к возможному переизбранию Д. Трампа (или идейно близкого ему политика), проводившихся с целью не допустить повторения сценария второй половины 2010-х годов. Зарубежные и отечественные ученые посвятили большое количество работ исследованию двусторонних отношений США – ФРГ в первое президентство Д. Трампа; изуче-

ние данной проблематики в ходе его второго срока является предметом исследований в ближайшем будущем.

### **Внутриполитические реалии США и ФРГ как фактор диалога**

В свой первый президентский срок Д. Трамп в ответ на массовое саботирование принятых им решений представителями системного истеблишмента США чаще всего действовал *реактивно*. Так, на фоне разнопланового давления, которое 45-й президент оказывал на ФРГ (включая подготовку резкого сокращения военного присутствия США на ее территории [Sisk, 2020]), в октябре 2020 г. в ФРГ были проведены учения, в ходе которых самолеты люфтваффе принимали на борт американские ядерные бомбы В-61 [DPA : Германия ... , 2020]. Традиционно в отработке опосредованного доступа к американскому ЯО участвовали лишь наиболее ценные и близкие союзники США. Тем самым, вопреки установкам 45-го президента, оппозиционные ему чиновники посылали ФРГ «сигнал» о качественно ином отношении к ней. Сам момент учений совпал не только со сложным периодом пандемии COVID-19, но и с окончанием предвыборной кампании в США, и организаторы маневров с высокой вероятностью предполагали, что Д. Трамп не останется у власти.

В период между неудачной попыткой переизбраться (ноябрь 2020 г., затянувшийся подсчет голосов) и решительной и быстрой победой на следующих выборах (ноябрь 2024 г., причем республиканцы обеспечили себе большинство и в обеих палатах Конгресса, и по числу губернаторов) Д. Трамп пытался найти результативные стратегию и тактику, которые помогли бы ему ослабить влияние системного истеблишмента в США, т.е. противодействовать истеблишменту *проактивно*. Отсюда стремление Д. Трампа создать правительство не только из персонально лояльных деятелей, но одновременно – из тех, кто не встроен в традиционные элиты, а, напротив, зарекомендовал себя как их активный оппонент. Именно этим обусловлена парадоксальная (на первый взгляд) эклектика в команде Д. Трампа: к примеру, на пост советника президента по национальной безопасности был назначен неоконсерватор М. Уолтц, а на пост главы разведки – бывшая представительница демократов Т. Габбард.

Д. Трамп намерен *рационализировать* функционирование института государства в США в соответствии со своим видением.

Помимо своей ключевой задачи – ослабить позиции системного истеблишмента, – Д. Трамп намерен уменьшить огромный госдолг США, массово высылать нелегальных мигрантов, ужесточить борьбу с их притоком. Поэтому как минимум на первом этапе своего президентства он, скорее всего, будет уделять основное внимание внутренним проблемам. Как это повлияет на внешнюю политику США, особенно на европейском направлении, и особенно в отношении ФРГ?

Д. Трамп критически настроен по отношению к действующему истеблишменту Германии (с учетом тесных связей последнего с системными элитами США). Можно предположить, что среди эстаблированных партий ФРГ он будет наиболее негативно относиться к «Зелёным», руководство которых в высокой степени ориентировано на Демократическую партию США. Достаточно критически 47-й президент США будет относиться и к блоку ХДС / ХСС (Христианско-демократический союз Германии / Христианско-социальный союз в Баварии; *нем.* Christlich Demokratische Union Deutschlands / Christlich-Soziale Union in Bayern, CDU / CSU) во главе с Ф. Мерцем.

Во время первого президентского срока Д. Трампа ФРГ столкнулась с серьезным политическим кризисом при формировании правительства, беспрецедентным по остроте и продолжительности (сентябрь 2017 г. – март 2018 г.). Со схожей проблемой официальный Берлин рискует столкнуться и в начале новой легислатуры Д. Трампа. Практически одновременно с его победой произошел распад «светофорного» кабинета в ФРГ (коалиция трех партий – СДПГ (Социал-демократическая партия Германии; *нем.* Sozialdemokratische Partei Deutschlands, SPD), СвДП (Свободная демократическая партия Германии; *нем.* Freie Demokratische Partei, FDP) и «Союз 90 / Зелёные» (*нем.* Bündnis 90 / Die Grünen)). При этом электоральная поддержка АдГ («Альтернатива для Германии»; *нем.* Alternative für Deutschland, AfD) постоянно растет; кроме того, некоторые избиратели голосуют за левое движение – «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» (CCB; *нем.* Das Bündnis Sahra Wagenknecht – Vernunft und Gerechtigkeit, BSW), и в результате заметно уменьшается электоральная поддержка традиционных партий, которые де-факто утрачивают статус «народных», что особенно болезненно для крупнейших из них – ХДС / ХСС и СДПГ, хотя на последних выборах им удалось одержать относительную победу.

Д. Трамп не раз демонстрировал позитивное отношение к некоторым правым силам в государствах – членах ЕС, декларирующим свою приверженность укреплению национального суверенитета в его классическом понимании. Например, будучи еще кандидатом в президенты, он поддерживал контакты с премьер-министром Венгрии В. Орбаном, председателем партии «ФИДЕС» (венг. FIDESZ). Сразу после переизбрания Д. Трампа АдГ заявила, что готова сотрудничать с ним, особенно в деле укрепления национального суверенитета [Die AfD-Bundessprecher ... , 2024]. Однако, несмотря на общее критическое отношение к системному истощению ФРГ, Д. Трамп последовательно стремится использовать объемную ресурсную базу ФРГ в соответствии с интересами и приоритетами США. Такой подход, ставящий ФРГ в положение ведомого, вступает в принципиальное противоречие с суверенистскими установками АдГ. В то же время АдГ не отказывалась от поддержки со стороны команды Трампа перед последними выборами.

### **Перспективы кооперации под эгидой НАТО и «сдерживание» РФ**

В свое первое президентство Д. Трамп постоянно выражал неудовлетворение тем, что ФРГ вносит недостаточный вклад в рамках НАТО. К середине 2020-х годов количественные и качественные характеристики усилий Германии на этом направлении значительно возросли.

С одной стороны, официальный Берлин стремился как можно скорее преодолеть кризис своего стратегического присутствия на мировой арене, особенно вдали от зоны ответственности НАТО. Первые симптомы этого кризиса появились еще в середине 2010-х годов, но особенно отчетливыми они стали в начале 2020-х годов. Частично это было обусловлено возникновением конфронтации «коллективного Запада» с РФ, но во многом – никак не было с этим связано. Чтобы преодолеть кризис, Германия стала заново наращивать основные параметры военной мощи (что было особенно заметно после длительных и масштабных сокращений, проводившихся с 1990-х годов); таким образом Берлин предполагал подвести бульшую (т.е. соразмерную с масштабом своих амбиций) ресурсную базу под реализацию своих лидерских устремлений. ФРГ настойчиво стремится географически и функционально перекомпоновать систему своего стратегического присут-

ствия в мире, увеличивая свою вовлеченность в конфронтации с системными оппонентами «коллективного Запада». Основное внимание уделяется участию бундесвера в «сдерживании» РФ, что прежде всего подразумевает увеличение вклада ФРГ в комплектование постоянных группировок НАТО в Европе. При этом декларируемый рост обязательств ФРГ заметно опережает ее реальные военные возможности с учетом фактических темпов роста ее вооруженных сил. Таким образом, подчеркиваемая готовность и способность нести повышенную нагрузку по линии НАТО становятся для официального Берлина все более значимым атрибутом на пути реализации лидерских устремлений.

*С другой стороны*, истеблишмент ФРГ не мог не учитывать и фактор давления со стороны Д. Трампа. Здесь следует подчеркнуть, что администрация не только 45-го, но и 46-го президента США настойчиво побуждала Германию нарастить военную нагрузку по линии Альянса. Разница была только в форме: жесткое давление при Д. Трампе сменилось мягко-выверенным стимулированием при Дж. Байдене, жесткая гегемония уступила место мягкому нажиму с весьма высокой результативностью. Политика Д. Трампа, хотя и не привела к немедленному результату, создала благоприятные условия для реализации линии Дж. Байдена. Но едва ли это было возможно без очевидной встречной готовности со стороны Германии.

ФРГ последовательно поддерживала *европеизацию* потенциала НАТО как института, особенно – состава постоянных группировок. Это было не только важной составляющей в деле реализации устремлений самой Германии, но и практической страховкой, гарантирующей, что Североатлантический альянс сохранится и будет дееспособен даже в случае резкого сокращения участия США. Европеизация потенциала НАТО, особенно военно-людского, должна была свести к минимуму поводы для недовольства со стороны Д. Трампа.

Размер сил и средств, выделяемых Германией под командование НАТО, показывает, что на практике роль ключевого интегратора многосторонних военных сил ФРГ по-прежнему отводит Североатлантическому альянсу, а не Европейскому союзу, тем самым подтверждая особую, «всесезонную», важность своих отношений с США. С точки зрения официального Берлина ЕС должен дополнять НАТО (в соответствии с формулой «Берлин+») на тех треках, где блок не готов действовать: здесь можно выделить, во-первых, разработку европейскими государствами (большинство

из которых входят и в ЕС, и в НАТО) широкой линейки ВиВТ и налаживание их производства; во-вторых, проведение небольших операций вдали от зоны ответственности блока, особенно по конфликтному (кризисному) регулированию (хотя вынужденная экстренная эвакуация из Афганистана в середине 2021 г. наглядно продемонстрировала пределы возможностей Альянса). При этом на первом из перечисленных функциональных треков ФРГ отнюдь не отказывается от масштабного импорта ВиВТ американского производства (что особенно важно для Д. Трампа); а на втором треке – не стремится свести к номинальным значениям использование бундесвера под флагом НАТО вдали от зоны ответственности Альянса, но ищет перспективные, удобные и эффективные формы для этого, прежде всего, в контексте «сдерживания» системных оппонентов «коллективного Запада», особенно КНР, ИРИ и КНДР (что также соответствует политическим установкам Д. Трампа). Все это нашло отражение в установках Вашингтонского саммита НАТО (9–11 июля 2024 г.) [Washington Summit ... , 2024].

Итак, в первой половине 2020-х годов официальный Берлин – в силу объективных и субъективных причин – изменил параметры своего вклада в рамках НАТО таким образом, чтобы минимизировать основания для давления со стороны Д. Трампа. Каковы же основные характеристики этих изменений?

В 2024 г. военные расходы ФРГ впервые в XXI в. достигли отметки в 2% от ВВП (2,12% по данным статистики НАТО [Defence expenditure ... , 2024, p. 9]). Тем самым Германия продемонстрировала свою способность де-юре в срок выполнить соответствующее решение Уэльского саммита НАТО (2014), осуществив настоящий «скачок», – военные расходы увеличились почти на 30% от уровня предыдущего года. В 2022 г. профильные расходы ФРГ составляли примерно 1,5%, а в 2023 г. – чуть выше 1,6% [Ibid.], несмотря на создание с 27 февраля 2022 г. специального фонда для нужд бундесвера. В том, что касалось роста военных расходов, Германия (в отличие от США) держалась не в авангарде среди государств – членов НАТО, а на уровне большинства: так, в 2023 г. целевого показателя в 2% от ВВП достигли лишь около десяти стран – участниц Альянса, а в 2024 г. – уже 23 страны (из 32) (рассчитано автором на основе: [Ibid.]). Поэтому не исключено, что Д. Трамп вновь вернется к своей прежней риторике о «задолженности» ФРГ.

Однако официальный Берлин может предъявить ряд контр-аргументов. В 2024 г. ФРГ вышла на второе место среди государств – членов НАТО по величине военных расходов в абсолютном значении, обойдя Великобританию. В постоянных ценах 2015 г. профильный бюджет Германии в 2024 г. должен составить 76,9 млрд долл., Великобритании – 75,3 млрд долл., Франции – 55,2 млрд долл., Италии – 29,8 млрд долл., Польши и Турции – по 26,9 млрд долл. [Defence expenditure ... , 2024, p. 8]. Показатель самих США – 754,7 млрд долл., т.е. почтикратно превышает ассигнования ФРГ; суммарно европейские страны-участницы должны выделить в 2024 г. около 405,5 млрд долл. (54% к военным расходам Белого дома) (рассчитано автором на основе: [Ibid., p. 9]).

При этом не только в 2024, но и 2023 г. ФРГ занимала второе место (после США) среди западных держав по объемам военной поддержки Украины. В 2023 г. Берлин потратил на эти цели 5 млрд евро, в 2024 г. – не менее 7 млрд евро [Diese Waffen ... , 2025]. Основную координирующую роль на этом направлении играл формат «Рамштайн» – зонтичная структура для набора «коалиций желающих» (каждая «коалиция» создавалась под поставки конкретного вида военной техники). С 2024 г. к согласованию поставок и их финансированию официально подключилась НАТО как институт [Washington Summit ... , 2024]; до этого государства – члены Альянса действовали в национальном качестве (объединяясь в «коалиции желающих») или под флагом Евросоюза.

В частности, под эгидой ЕС действовала миссия «EUMAM Ukraine» по подготовке кадров ВСУ, и Германия (наряду с Польшей) приняла на себя функции одного из направляющих государств этой миссии; в 2023–2024 гг. инструкторы бундсвера обучили 10 тыс. военных ВСУ [Diese Waffen ... , 2025]. Показателем также вклад ФРГ в поставки тяжелых танков: Берлин, активно побуждаемый к действиям Вашингтоном и Лондоном, выделил 18 танков «Leopard 2A6» в 2023 г. и 88 танков «Leopard 1A5» в 2024 г., т.е. суммарно 106 боевых машин [Ibid.]. Это более чем втрое превышало вклад самих США (31 танк «Abrams M1A1» в 2023 г.) и вдвое превышало суммарный вклад США, Великобритании и Канады (Великобритания – 14 танков «Challenger 2», Канада – восемь танков «Leopard 2A4» в 2023 г.) [Thomas, 2024]. Какой бы подход к решению «украинского вопроса» ни выбрала администрация Д. Трампа, она будет заинтересована в том, чтобы ФРГ по-прежнему несла повышенную нагрузку в качестве донора конвен-



циональной военно-технической помощи Украине (особенно по части бронетехники).

В 2024 г. официальный Берлин продолжал предоставлять киевским властям танки западного производства (хотя и более старой модификации) во все возрастающих объемах, в то время как США, Великобритания и Канада воздерживались от этого. В результате именно «Леопарды» производства ФРГ (в том числе ранее закупленные у Германии некоторыми европейскими континентальными странами) стали основными тяжелыми танками западного производства в распоряжении ВСУ; как следствие, они несли наибольшие потери, а немногочисленные сберегаемые «Челленджеры» и «Абрамсы» считались более ценными в военном и политико-имиджевом плане. Таким образом, США (и Великобритания) приняли на себя направляющие функции, а ФРГ вносила основной вклад посредством предоставления своих ресурсов.

Аналогичная схема применялась и в деле комплектования постоянных группировок НАТО. Здесь ФРГ уже с конца 2010-х годов также занимала второе место после США. В первой половине 2020-х годов США продемонстрировали готовность и способность заметно нарастить свое присутствие у восточных границ зоны ответственности НАТО, одновременно избегая масштабной перемещения сил из своей страны на длительное время.

В Северной Европе администрация Дж. Байдена подписала ряд двусторонних соглашений и дополнительных протоколов, которые позволяли США со-использовать обширную сеть военных объектов в Норвегии, Финляндии и Швеции, прежде всего – в субарктической части каждого из этих государств [Edvardsen, 2024]. С опорой на эти базы проводилась отработка переброски и использования в данных регионах военно-морских и воздушно-десантных сил (в частности, профильной 11-й дивизии, созданной на Аляске в мае 2022 г.) [Statement of General ... , 2023].

В Восточной Европе использование ВС США (как и многонациональных Сил передового развертывания (СПР) НАТО) проходило по двум основным направлениям. Первое – Польша и страны Балтии. Основу группировки США здесь составляли бронетанковая бригада и ряд отдельных частей (прежде всего следует отметить ведущий вклад США в многонациональную батальонную тактическую группу СПР в Польше). В феврале – июне 2022 г. (т.е. на достаточно короткое время) Пентагон дополнительно перебросил в данный регион две бригады (бронетанковую и воздушно-

десантную), затем их вывели назад [Fact sheet ... , 2022]. В целом войсковое присутствие США здесь росло плавно, а сеть штабов – динамичнее; в Польше уже в 2021 г. появился штаб V армейского корпуса – символ внимания к передовой линии зоны ответственности НАТО. Второе направление активности ВС США в Восточной Европе – Словакия, Венгрия, Румыния и Болгария. Весной 2022 г. в состав вновь созданных в регионе многосторонних боевых групп СПР были введены подразделения США, а осенью 2022 г. в Румынии была развернута воздушно-десантная бригада [Fact sheet ... , 2022]. Все эти силы (кроме штаба V армейского корпуса) комплектовались посредством ротации каждые девять месяцев. В целом США обошлись минимально возможным привлечением собственных сил, но при этом сумели создать ощущение заметного усиления своего присутствия в передовой части зоны ответственности НАТО, обращенной к РФ. Этот эффект Белый дом успешно использовал, чтобы побудить европейских партнеров по НАТО нарастить вклад в «сдерживание» России.

Большинство стран Восточной Европы пошли по пути наращивания мощи своих вооруженных сил, особенно наземных. Здесь лидерами оказались Литва и Польша: Варшава в 2014–2023 гг. увеличила свои ВС с менее 100 тыс. до более 200 тыс. военных, и в этом отношении к середине 2020-х годов перегнала и Германию, и другие ведущие западно- и южноевропейские государства [Defence expenditure ... , 2024, p. 13].

В то же время ведущие государства – члены Альянса нарастили объемы своего участия в комплектовании постоянных группировок НАТО. До 2024 г. основу постоянных группировок блока во II стратегическом эшелоне (т.е. в глубине зоны ответственности) составляли силы быстрого реагирования (*англ.* NATO Response Force, NRF), важнейшей компонентной которых было соединение повышенной боевой готовности (*англ.* Very High Readiness Joint Task Force, VJTF). Здесь ключевую роль играли европейские государства с ВС от 100 тыс. военнослужащих; США вносили точечный войсковой, но решающий управленческий вклад. В 2014–2024 гг. Германия трижды принимала функции ведущего комплектатора VJTF (2015, 2019, 2023 гг.), Великобритания – дважды (2018 г. и первое полугодие 2024 г.), остальные крупные государства – члены НАТО (Испания, Италия, Польша, Турция, Франция) – по одному разу [NATO Response Force ... , 2025].

Весной 2022 г. ФРГ также стала ведущим комплектатором многосторонних боевых групп СПР, являясь «рамочным государством» для формирования в Литве (с 2017 г.) и внося значительный вклад в функционирование формирования в Словакии (с 2022 г.) [NATO's military presence ... , 2025]. В июне 2022 г. Германия первой из государств – членов НАТО приняла решение постепенно трансформировать возглавляемую ею батальонную группу в бригаду. В ноябре 2023 г. официальный Берлин уточнил, что бригада будет почти исключительно состоять из германских военных, получит нумерацию от бундесвера, а не от НАТО, и будет размещена в Литве на постоянной основе. Это второй такой случай в истории ФРГ (во Франции расположен батальон из состава совместной франко-германской бригады), и при этом – уникальный по своему масштабу и стратегическому значению. Соединение бундесвера в Литве численностью в 4,8 тыс. военных и 200 гражданских служащих должно быть полностью укомплектовано в 2027 г. [Bundeswehr in Litauen ... , 2024].

К 2025 г. круг ведущих комплектаторов боевых групп СПР, готовых развернуть их до уровня бригады, остается весьма ограниченным: помимо Германии, это Канада и, вероятно, Швеция; США и Великобритания не планируют столь масштабное увеличение численности возглавляемых ими многосторонних формирований. При этом ФРГ – единственная среди государств – членов НАТО – решила сделать возглавляемую ею бригаду почти целиком мононациональной [Bundeswehr in Litauen ... , 2024 ; NATO's military presence ... , 2025].

На Мадридском саммите Альянса (29–30 июня 2022 г.) была согласована новая модель ВС НАТО (*англ.* New NATO Force Model, NNFM), согласно которой со временем в постоянном подчинении блока должно оказаться свыше 0,8 млн военных. Абсолютное большинство военнослужащих должны выделить европейские государства-члены НАТО; войсковой вклад США будет минимален, однако они сохраняют встроенный управленческий контроль [Biscop, 2022, p. 1–2]. NNFM должна функционально объединить передовое присутствие и силы быстрого реагирования (с 1 июля 2024 г. – так называемые высокомобильные силы союзнического реагирования (*англ.* Allied Reaction Force, ARF)) [Deni, 2024, p. 2–4]. Войска NNFM делятся на три категории в зависимости от сроков достижения боевой готовности. Две первые категории (до десяти и до 30 дней достижения боевой готовности соот-

ответственно) суммарно должны насчитывать не менее 300 тыс. военных; ФРГ первой из стран – участниц Альянса конкретизировала свои планы на этом направлении, объявив, что с 2025 г. намерена поэтапно довести свой вклад до 35 тыс. военных [NATO Force Model ... , 2024]. Структура бундесвера активно совершенствуется под использование в качестве ARF.

Повышенный вклад Германии в каждую из группировок НАТО, включая NNFM, является важной составляющей для реализации лидерских устремлений Берлина и в то же время – в полной мере отвечает интересам США, в том числе установкам Д. Трампа. Использование бундесвера стратегически «разгружает» Соединенные Штаты на европейском направлении, увеличивая свободу маневра при использовании собственных войск на глобальном уровне. При этом применение растущего военного потенциала ФРГ остается для Белого дома полностью предсказуемым и управляемым (через командно-штабные структуры Альянса).

### **Военное присутствие США в ФРГ: «вливать новое вино в старые мехи»?**

В свое первое президентство Д. Трамп неоднократно говорил о необходимости сократить военное присутствие США в ФРГ (в контексте оптимизации военного присутствия США в Европе в целом), рассматривая это как чувствительную меру для оказания давления на Берлин. В июле 2020 г. администрация Д. Трампа конкретизировала свои планы: было принято решение вывести из ФРГ 11,9 тыс. военных (из них 6,4 тыс. – в США, а остальных – в другие страны НАТО, особенно в Польшу и республики Балтии). Переброске из Германии подлежала единственная на то время расположенная здесь войсковая наземная бригада (2-й бронекавалерийский полк, 4,5 тыс. солдат и офицеров); в стране должны были остаться 24 тыс. военных США [Sisk, 2024] (две трети от прежнего состава).

Если сейчас аппарат 47-го президента США вернется к осуществлению данного плана, это в любом случае не окажет заметного влияния на диалог США – ФРГ. Берлин спокойно воспринял такую перспективу в 2018–2020 гг.; его подход тем более не изменится в нынешних условиях постепенного увеличения мощи бундесвера. При этом США, лимитируя свои возможности в логистически наиболее удобной части европейского пространства зоны ответственности НАТО, сами окажутся в менее выгодном положе-

нии. Соединенным Штатам было бы гораздо удобнее не декларировать каких-либо «потолков» присутствия в принципе (поскольку в таком случае их увеличение потребует согласования с Берлином), а без специальных заявлений свободно оперировать своими силами на практике.

Именно так происходило при администрации Дж. Байдена: 2-й бронекавалерийский полк (прежде всего) и в целом американский воинский контингент в Германии все более активно использовался для комплектования компонент США в составе многонациональных боевых групп СПР НАТО в Восточной Европе [Statement of General ... , 2023]. Такая тактика отвечала военной логике американских планов 2020 г., но реализовывалась в формах, удобных для Соединенных Штатов. Одновременно администрация Дж. Байдена продемонстрировала возможность наращивать свое военное присутствие в ФРГ: 24 февраля 2022 г. сюда была направлена дополнительная (вторая по счету) бронетанковая бригада; однако уже в середине 2022 г. соединение было выведено, будучи заменено многочисленными штабами и мелкими подразделениями (артиллерии, инженерных сил, ПВО, т.е. подразделениями невойсковых формирований) [Fact sheet ... , 2022]. США весьма успешно политически обыграли этот маневр, представив его в качестве стратегической инвестиции в безопасность и оборону ФРГ.

В 2022–2024 гг. Белый дом умело оптимизировал свое военное присутствие в европейской части зоны ответственности НАТО в целом: в январе – июне 2022 г. оно возросло с 80 тыс. до 100 тыс. военнослужащих, в том числе количество наземных войсковых бригад увеличилось с трех до шести формирований [Трунов, 2024б]. Демонстрируя способность и готовность *кратковременно* развертывать дополнительные контингенты в Европе, администрация Дж. Байдена побуждала партнеров к принятию *постоянной* повышенной нагрузки в рамках новой модели сил НАТО. Как только модель NNFM была согласована на Мадридском саммите НАТО, США плавно вернулись к оптимальной для них отметке в 80 тыс. военных в Европе, в числе которых контингент для обслуживания запасов ТЯО в странах Западной Европы и Турции, а также четыре войсковые наземные бригады – по одной бронетанковой и одной воздушно-десантной / аэромобильной бригаде соответственно в «новых» и «старых» государствах – членах НАТО (конкретно в Германии и Италии, причем воздушно-десантное соединение в Италии было «донором» для комплекто-

вания сил передового развертывания). Одновременно быстро росла и географически расширялась сеть штабов США (часто вообще без находящихся в их подчинении войск или с минимумом войсковых подразделений) [Трунов, 2024б ; NATO's military presence ... , 2025]. Эти штабы готовы принимать под свое командование не только войска США, но и войска европейских стран – участниц НАТО, особенно «новых».

В период своего первого президентства Д. Трамп рассматривал угрозу резко сократить военное присутствие США в ФРГ в качестве важного инструмента для реализации тактики «кнута и пряника» в отношении официального Берлина. Во вторую легислатуру таким инструментом может стать угроза пересмотреть принятое на Вашингтонском саммите НАТО решение разместить с 2026 г. в Германии ракеты среднего радиуса действия, в том числе гиперзвуковые [Joint Statement ... , 2024]. Скорее всего, Д. Трамп будет увязывать готовность к реализации этой меры с дальнейшей интенсификацией использования военных ресурсов Германии в соответствии с интересами Белого дома, – прежде всего, в европейской части зоны ответственности НАТО и для поддержки Украины.

### **Порог применения силы: «раздражитель» или «стимулятор» для сотрудничества?**

Не исключено, что подход 47-го президента к решению «украинского вопроса» может значительно измениться (как это было, например, с его позицией по «афганскому вопросу» в 2017–2020 гг.). Однако уместно выделить ряд констант, которых Д. Трамп, скорее всего, будет придерживаться в «переговорном уравнении»: с одной стороны, – стремление возложить максимум практической нагрузки по поддержке Киева на европейские государства – члены НАТО (особенно Германию), с другой – стремление не допускать неконтролируемой эскалации напряженности. Здесь следует подробнее остановиться на второй константе в увязке с политической линией ФРГ, в том числе – с характерным для Германии более высоким порогом (набором условий) для применения силы и поставок ВиВТ стороне активных боевых действий.

В прошлом Берлин отказывался от боевого использования бундесвера в ходе военно-политических кризисов и последующих силовых операций в Ираке (2003) и Ливии (2011), причем в первом случае ФРГ открыто и достаточно жестко критиковала намерения США и

Великобритании. В Афганистане практически всю боевую нагрузку в борьбе с «Аль-Каидой»<sup>1</sup> и особенно «Талибаном» взяли на себя войска США, Великобритании и Канады, действовавшие в основном на юге и востоке страны; контингент бундсвера «разгружал» партнеров, участвуя в несиловых операциях на наименее конфликтотенном севере. В целом эта «особость» ФРГ, вызывавшая сдержанно-критическое отношение со стороны США, стала одной из причин стратегического недовольства, которое так заметно проявилось при первой каденции Д. Трампа. Среди прочего следует указать, что свои переговоры с «Талибаном»\*, приведшие к «сделке» от 29 февраля 2020 г. с решением вывести войска США из Афганистана, Белый дом при 45-м президенте вел практически без согласования с европейскими союзниками, прежде всего игнорируя Германию.

«Особость» ФРГ проявляется и по ряду пунктов помощи ВСУ, наиболее опасных в плане возникновения неконтролируемой эскалации. *Во-первых*, это касается возможного появления регулярных войск государств – членов НАТО на Украине. Уже в феврале-марте 2024 г. Франция открыто, а Великобритания тайно рассматривали такую возможность [Бартош, Летяго, 2024], в то время как Германия последовательно демонстрировала неприятие этой идеи.

*Во-вторых*, с марта-апреля 2024 г. Берлин неизменно отказывался от передачи Украине баллистических ракет малой дальности (до 300 км), в отличие от США, Великобритании и Франции, предоставивших Киеву соответственно комплексы ATACMS и «Storm Shadow / SCALP-EG». В середине ноября 2024 г., когда администрация Дж. Байдена в согласии с Лондоном и Парижем разрешила киевским властям наносить удары в глубь России, Берлин остался верен своей позиции, отказавшись поставлять Киеву ракеты «Taurus». Ключевым сторонником данной линии поведения был канцлер О. Шольц (СДПГ), в то время как глава МИД А. Бербок («Зелёные») и министр финансов Т. Линднер (СВДП; ушел в отставку с начала ноября) придерживались противоположного мнения.

Позиция ФРГ в каждом случае имела целью не допустить приближения ситуации к состоянию «горячей» войны «коллективного Запада» с РФ, что соответствует тем установкам, которые Д. Трамп озвучивал как минимум в предвыборной гонке и в преддверии инаугурации.

---

<sup>1</sup> Запрещенная в РФ террористическая организация.

15 ноября 2024 г. О. Шольц провел телефонные переговоры с Президентом России В.В. Путиным [Bundeskanzler ... , 2024]. В данном случае примечателен не только сам факт возобновления контактов на высшем уровне (после почти двухлетнего перерыва канцлер ФРГ сделал это первым из лидеров западных держав), но и дата инициативы О. Шольца: именно тот момент, когда президент США Дж. Байден в согласии с лидерами Великобритании и Франции неофициально одобрил использование ракет малой дальности для ударов в глубь РФ. Указанное совпадение означает, что канцлер вдвойне (и отказом от поставок ракет «Taurus», и самим фактом телефонного звонка В.В. Путину) отмежевался от опаснейшей инициативы в области международной безопасности, что вполне соответствовало озвученным на тот момент установкам Д. Трампа.

### **Участие ФРГ в конфронтациях США с КНР и ИРИ**

Возрастающий вклад Германии в многосторонние усилия «западных демократий» по «сдерживанию» РФ – далеко не последний по значимости фактор, содействующий увеличению свободы маневра, необходимой США для использования своих военных сил на глобальном уровне. Суммарная численность ВС США – 1,3 млн военных. В Европе находятся около 80 тыс. американских военнослужащих, на Ближнем Востоке – 40 тыс., в Африке – всего 6 тыс., т.е. суммарно менее 130 тыс. солдат и офицеров; даже в условиях временного увеличения американского присутствия в Европе (первое полугодие 2022 г.) или на Ближнем Востоке (конец 2023 г.) указанный показатель не превышал 150 тыс. военных [Fact sheet ... , 2022 ; Masters, Merrow, 2024]. В гораздо большей степени внимание США фокусируется на Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), где расположены значительные контингенты (375 тыс. военных); главные силы находятся в метрополии в качестве общего резерва [Васильев, 2024 ; US defense ... , 2023]. Иными словами, США не готовы перебрасывать крупные воинские контингенты в Европу.

Насколько ценной будет для Д. Трампа поддержка, которую Германия способна оказать США в вопросах выстраивания конфронтации с КНР, ИРИ и другими системными оппонентами, помимо России? Берлин продемонстрировал общую готовность оказывать США «всесезонную» помощь на Вашингтонском саммите НАТО [Washington Summit ... , 2024]. Однако в каждом конкрет-



ном случае вклад ФРГ был весьма ограниченным и по объему задействованных сил бундсвера (небольшие контингенты, до 1 тыс. военных в составе нескольких миссий ВМС и ВВС одновременно, в отдалении от оппонентов), и по жесткости политической риторики. Оба критерия были выше на треке «сдерживания» Ирана и ниже – в усилиях по «сдерживанию» Китая (так, в диалоге ФРГ–КНР по-прежнему функционировал формат межправительственных консультаций и осуществлялись визиты высших должностных лиц) [Трунов, 2024а, с. 227–231].

Весьма вероятно, что Д. Трамп будет заинтересован в значительно большем дистанцировании ФРГ от ИРИ и особенно – от КНР. Одним из индикаторов того, что Берлин стремится соответствовать ожиданиям 47-го президента США, станут «перебои» в работе формата межправительственных консультаций ФРГ и Китая (в особенности – фактический отказ от функционирования последнего или как минимум прерывание его работы на длительное время).

Для Белого дома будет предпочтительнее, если Германия станет участвовать в конфронтациях США с системными оппонентами в национальном качестве – либо как внешний партнер для форматов с участием США (AUKUS, «треугольник» Южная Корея – США – Япония), либо как встроенный участник (с 2023 г. Германия вошла в структуру «Партнеры в голубом Тихом океане» (*англ.* Partners in the Blue Pacific)). Но не исключено, что США будут готовы принимать поддержку от ФРГ и в составе миссий Европейского союза. Все данные практики получили развитие уже при администрации Дж. Байдена: например, военно-морская операция США и Великобритании против хуситов в Красном море (с декабря 2023 г.) была поддержана миссией ЕС с участием ФРГ (с февраля-марта 2024 г.) [Коровникова, 2024, с. 95–97]. На фоне нового этапа в вооруженном конфликте в Сирии (с конца ноября 2024 г., когда силы, оппозиционные власти Б. Асада, достигли заметных успехов), ФРГ активизировала свое латентное невоенное сотрудничество с Национальной коалицией сирийских оппозиционных и революционных сил (*араб.* ETEILAF). В более широком плане следует подчеркнуть, что ослабление «оси сопротивления» Ирана (удары Израиля по ХАМАС в Палестине, по силам «Хезболлы» в Ливане, наступление военизированной оппозиции в Сирии) благоприятствует расширению политико-дипломатической кооперации ФРГ и США по «сдерживанию» ИРИ.

Сложнее определить, в каком именно объеме военных усилий со стороны Германии будет заинтересован Белый дом. В ИТР (в отличие от Европы) Соединенные Штаты берут основную нагрузку на себя и опираются на ближайших региональных партнеров (прежде всего, Австралию, Южную Корею и Японию). На Ближнем Востоке аналогичную роль играет прежде всего Израиль, а также ЕГИЛАФ. Учитывая масштаб конфронтаций с ИРИ и КНР и объективно ограниченные возможности роста бундесвера, перспективный вклад ФРГ в собственно военном отношении не будет критически значим для США. Не следует забывать и о свойственной Германии осторожности при использовании своих ВС. Более того, администрация Д. Трампа, которая явно намерена оставить Германию в положении ведомой стороны, вряд ли будет приветствовать расширение географии военной демонстрации флага ФРГ. Поэтому уместно предположить, что даже если Белый дом станет побуждать Берлин использовать бундесвер ближе к системным оппонентам (прежде всего, в Оманском заливе, Ормузском и Тайваньском проливах), ФРГ будет критически воспринимать требования США. Тем не менее вопрос о необходимости интенсифицировать военные усилия будет представлять для самой ФРГ намного бóльшую ценность, чем для США (с учетом желания Германии заново выстроить систему своего стратегического присутствия на глобальном уровне в контексте «сдерживания» оппонентов).

\*\*\*

Стремление Д. Трампа проактивно противодействовать системному истеблишменту США на первых этапах президентства (до года) может ограничить его активность в отношении Берлина, а затем – в случае достижения внутренних успехов – содействовать ее росту. На хронологическом отрезке между первой и второй legislатурами Д. Трампа Германия заметно продвинулась в деле выполнения его требований во внешней политике, особенно в военной сфере. Данный процесс был детерминирован пожеланиями администрации Дж. Байдена, а также стремлением официального Берлина скорректировать тактику с целью обеспечить свое глобальное стратегическое присутствие. Дальнейший рост масштабной вовлеченности ФРГ в комплектование группировок НАТО и сохранение значительной поддержки Украины соответствует политическим установкам Д. Трампа; Белый дом будет настаивать на

дополнительном увеличении военных расходов, ужесточении подходов ФРГ к «сдерживанию» Ирана и Китая. Поэтому в диалоге США – ФРГ в конце 2020-х годов уместно ожидать скорее не «ледникового периода», а «прохладного» взаимодействия с элементами сотрудничества на тех треках, где ФРГ будет достаточно полно демонстрировать свою ориентированность на США. Число таких направлений значительно возросло в первой половине 2020-х годов, еще до возвращения Д. Трампа в Белый дом, и с высокой вероятностью продолжит увеличиваться в силу объективных тенденций во внешней политике официального Берлина.

### Литература / References

Бартош А.А., Лetyаго А.Г. (2024). НАТО готовится к войне с Россией // Национальная оборона. – Москва. – 21.03. – URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/nato-gotovitsya-k-vojne-s-rossiej-45535.shtml> (дата обращения: 18.03.2025) [Bartosh A.A., Letyago A.G. (2024). NATO is preparing for war with Russia [*NATO gotovitsya k voine s Rossiei*]. – Moscow. – 21.03. – URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/nato-gotovitsya-k-vojne-s-rossiej-45535.shtml> (date of access: 18.03.2025)]. (In Russian).

Васильев В.С. (2024). «Холодная война» между США и КНР : роль и интересы Великобритании // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 125–143 [Vasiliev V.S. (2024). «Cold War» between the USA and China : the role and interests of Great Britain [*«Kholodnaya voina» mezhdu SShA i KNR : rol' i interesy Velikobritanii*] // Current problems of Europe / RAS, INION. – Moscow. – N 4. – P. 125–143]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.04.07.

DPA : Германия участвует в секретных учениях НАТО со сценарием атомной войны. (2020) // ТАСС. – Москва. – 15.10. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9723255> (дата обращения: 18.03.2025) [DPA : Germany participates in secret NATO exercise with nuclear war scenario [*DPA : Germaniya uchastvuet v sekretnykh ucheniyakh NATO so stseneriem atomnoi voiny*]. (2020) // TASS. – Moscow. – 15.10. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9723255> (date of access: 18.03.2025)]. (In Russian).

Коровникова Н.А. (2024). ЕС – КНР : сотрудничество, соперничество или «снижение рисков»? // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 87–105 [Korovnikova N.A. (2024). The EU – PRC : cooperation, competition or «de-risking»? [*ES – KNR : sotrudnichestvo, sopernichestvo ili «snizhenie riskov»?*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 4. – P. 87–105]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.04.05.

Трунов Ф.О. (2024а). Подход ФРГ к противостоянию США – КНР к середине 2020-х годов : политические и военные аспекты // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 223–239 [Trunov Ph.O. (2024a). FRG's approach to the US – China rivalry by the mid-2020s : political and military aspects [*Podkhod FRG k protivostoyaniyu SShA – KNR k seredine 2020-kh godov* :

*politicheskie i voennye aspekty*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 4. – P. 223–239]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.04.12.

Трунов Ф.О. (2024б). Эволюция военного присутствия США в Европе (2017–2023 годы) // США и Канада : экономика, политика, культура / ИСКРАН. – Москва. – № 10. – С. 64–80 [Trunov Ph.O. (2024b). The evolution of the US military presence in Europe (2017–2023) *[Evolyutsiya voennogo prisutstviya SShA v Evrope (2017–2023 gody)]* // USA and Canada : economics, politics, culture / RAS, Institute for US and Canadian Studies. – Moscow. – N 10. – P. 64–80]. (In Russian). DOI: 10.31857/S2686673024100058.

Biscop S. (2022). The New Force Model : NATO's European army? / Egmont Institute. – Brussels. – 6 p. – URL: [https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2022/09/Sven-Biscop\\_PolicyBrief285\\_vFinal.pdf](https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2022/09/Sven-Biscop_PolicyBrief285_vFinal.pdf) (date of access: 18.03.2025).

Bundeskanzler Scholz telefoniert mit dem russischen Präsidenten Putin. (2024) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 15.11. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-scholz-telefoniert-mit-dem-russischen-praesidenten-putin-2320942> (date of access: 18.03.2025).

Bundeswehr in Litauen : in großen Schritten zur deutschen Kampfbrigade. (2024) / BMVg. – Berlin. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/meldungen/bundeswehr-litauen-grosse-schritte-deutsche-kampfbrigade> (date of access: 18.03.2025).

Defence expenditure of NATO countries (2014–2024). (2024) / NATO. – Brussels. – 17 p. – URL: [https://www.nato.int/nato\\_static\\_fl2014/assets/pdf/2024/6/pdf/240617-def-exp-2024-en.pdf](https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2024/6/pdf/240617-def-exp-2024-en.pdf) (date of access: 18.03.2025).

Deni J.R. (2024). The new NATO Force Model : ready for launch? / NATO. – Brussels. – 27.05. – URL: <https://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=1937> (date of access: 18.03.2025).

Die AfD-Bundessprecher gratulieren Donald Trump zur Wahl. (2024) / AfD. – Berlin. – 06.11. – URL: <https://www.afd.de/die-afd-bundessprecher-gratulieren-donald-trump-zur-wahl/> (date of access: 18.03.2025).

Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine. (2025) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 17.03. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/lieferungen-ukraine-2054514> (date of access: 18.03.2025).

Edvardsen A. (2024). New agreement gives US access to four new military areas in the North. (2024) // The High North. – Oslo. – 07.02. – URL: <https://www.highnorthnews.com/en/new-agreement-gives-us-access-four-new-military-areas-north> (date of access: 18.03.2025).

Fact sheet : US defense contributions to Europe. (2022) / US Department of Defense. – Washington, D.C. – 29.06. – URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (date of access: 18.03.2025).

Joint Statement from United States and Germany on long-range fires deployment in Germany. (2024) / The White House. – Washington, D.C. – 10.07. – URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2024/07/10/joint-statement-from-united-states-and-germany-on-long-range-fires-deployment-in-germany/> (date of access: 18.03.2025).

Masters J., Merrow W. (2024). US troops in the Middle East : mapping the military presence. (2024) / Council on foreign relations. – Washington, D.C. – 01.10. – URL: <https://www.cfr.org/article/us-troops-middle-east-mapping-military-presence> (date of access: 18.03.2025).

NATO Force Model : Wie Deutschland sich ab 2025 in der Allianz engagiert. (2024) / BMVg. – Berlin. – 09.07. – URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/nato-force-model-wie-deutschland-sich-ab-2025-engagiert-5465714> (date of access: 18.03.2025).

NATO's military presence in the east of the Alliance. (2025) / NATO. – Brussels. – 06.03. – URL: [https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics\\_136388.htm](https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm) (date of access: 18.03.2025).

NATO Response Force (2002–2024). (2025) / NATO. – Brussels. – 28.02. – URL: [https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics\\_49755.htm](https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm) (date of access: 18.03.2025).

Sisk R. (2020). Nearly 12000 US troops will pull out of Germany at cost of billions, SecDef says // Military.com. – Washington, D.C. – 29.07. – URL: <https://www.military.com/daily-news/2020/07/29/nearly-12000-us-troops-will-pull-out-of-germany-cost-of-billions-secdef-says.html> (date of access: 18.03.2025).

Statement of General Christopher G. Cavoli, United States army. (2023) / US Senate. – Washington, D.C. – 27.04. – 23 p. – URL: [https://web.archive.org/web/20230504221514/https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/EUCOM%20SASC%20CPS%202023%20\(002\).pdf](https://web.archive.org/web/20230504221514/https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/EUCOM%20SASC%20CPS%202023%20(002).pdf) (date of access: 18.03.2025).

Thomas R. (2024). How many tanks have Western countries provided to Ukraine? // Army technology. – New York. – 09.07. – URL: <https://www.army-technology.com/news/how-many-tanks-have-western-countries-provided-to-ukraine/> (date of access: 18.03.2025).

US defense infrastructure in the Indo-Pacific : background and issues for Congress. (2023) / The US Congress. – Washington, D.C. – 06.06. – 55 p. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47589> (date of access: 18.03.2025).

Waltz K. (1979). Theory of international politics. – Menlo Park, CA : Addison-Wesley Publishing Company. – 250 p.

Washington Summit declaration. (2024) / NATO. – Brussels. – 10.07. – URL: [https://www.nato.int/cps/en/natohq/official\\_texts\\_227678.htm](https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm) (date of access: 18.03.2025).

DOI: 10.31249/ape/2025.02.12

Trunov Ph.O.<sup>1</sup>

## ***The reelection of Donald Trump (2024) and the US – Germany relations in the sphere of security and defense***

***Abstract.*** During his first presidential term (2017–2021), D. Trump sought to put pressure on Germany, expressing dissatisfaction with the quality and scope of

---

<sup>1</sup> **Trunov Philipp Olegovich** – PhD in Political Sciences, Leading Researcher, INION RAN (1trunov@mail.ru), ORCID: 0000-0001-7092-4864.

*German support to the American policy. The article analyzes the prospects for bilateral dialogue between the US and Germany after the re-election of D. Trump in November 2024, notes D. Trump's desire to proactively (and not reactively, as before) counter the system establishment in the US, and points out that electoral support for the largest system parties in Germany has noticeably weakened.*

*Particular attention is paid to examining how far Germany has advanced in the first half of the 2020s towards meeting D. Trump's demands in the military-political sphere. This process was conditioned, first of all, by FRG's long-term strategy towards restructuring the system of its global presence in the context of «deterrence» of the West's opponents. D. Trump's requests concerning the increase and use of Germany's power were largely satisfied during the presidential term of J. Biden, whose administration sought to encourage partners to take desirable steps using soft and calibrated forms of influence. The article examines such indicators as the increase of FRG's military expenditures, the progress of its involvement in the completing of NATO's groupings, and the transformation of Germany into one of the main military donors for Ukraine. The author suggests that the continuation of these trends, given the caution demonstrated by Germany in providing Kyiv with missile weapons, will find understanding from the new American administration. At the same time, the White House will expect a noticeable tightening of Germany's approach to «deterrence» of Iran and China. The author concludes that in the second half of the 2020s, the US – Germany dialogue will take the form of «cool» interaction with elements of cooperation.*

**Keywords:** USA, Germany, Trump, system establishment, NATO, groupings, military expenditures, «deterrence», Russia, China.

Статья поступила в редакцию (Received) 28.01.2025  
Доработана после рецензирования (Revised) 30.01.2025  
Принята к публикации (Accepted) 03.02.2025